

В сценарии королева была старше императора на пять лет. Императрица-мать заставила сына жениться на ней, прикрываясь сыновней почтительностью, поэтому император к ней особой симпатией не пылал.

К тому же, она годами постилась, молилась и не вмешивалась в мирские дела — простая прическа, скромные одежды, так что с образом проблем не возникло.

Сун Цзыцин без всякого желания отправилась на грим для роли служанки, почти всю дорогу просидев с мрачным лицом, но, к счастью, оператор не особо уделял ей внимание.

Когда всё было готово, она взглянула в зеркало и удивилась: образ получился куда лучше, чем она представляла. Двойные пучки, украшенные двумя бледно-розовыми заколками с жасмином, темно-синее придворное платье — на фоне остальных статистов она выглядела как настоящая барышня из знатного дома.

Вероятно, из-за участия такой звезды, как Ци Сю, стилисты и гримеры были приглашены самые именитые в индустрии.

Глядя на уже готовую Сун Цзыцин и Бай Цзя, которая задумчиво перебирала четки, Шэн Яо почувствовала легкую зависть.

Как у главной героини с наибольшим количеством сцен и к тому же любимой наложницы, ее образ был самым сложным — с ней провозились больше часа, но так и не закончили.

— Госпожа Бай, хватит играть, пора идти на фотосессию.

— А ведь получилось довольно похоже, — пробормотала Бай Цзя с улыбкой и поднялась, направляясь в фотостудию.

Перед уходом Сун Цзыцин мельком взглянула на девушку, которая все еще сидела в кресле гримера, и в душе шевельнулось чувство облегчения.

Хорошо, что ей не досталась роль Лян Жохань — такие массивные золотые украшения с рубинами обычный человек просто не вытянет, они же ослепляют своим блеском.

Примерно через час образ Шэн Яо был наконец готов.

Девушка была облачена в алое шелковое платье с широкими рукавами, по краям которых расцветали пышные пионы, а поверх была наброшена легкая дымчатая накидка с золотыми нитями. Плечи казались точеными, а талия — тонкой, как стебель.

Черные волосы были уложены в сложную прическу, украшенную позолоченными шпильками с узором жуи, а по бокам покачивались золотые подвески с агатом в форме буддийской руки. Выглядело это невероятно роскошно, но при этом совсем не вульгарно.

Ткани и аксессуары съемочной группы были очень качественными, но слоев одежды было так много, что, если бы в гримерной не работал кондиционер, она бы точно взмокла.

Украшения и накладные пряди были тяжелыми, и при ходьбе ее пошатывало, но Шэн Яо уже снималась в исторических дорамах, так что привыкла.

Фотографии делали по отдельности, а затем всех участников должны были объединить в один общий постер с помощью фотошопа.

Без сомнения, Шэн Яо с ее самым сложным образом закончила последней.

После фотосессии ей предстояло интервью с сотрудниками съемочной группы, касающееся роли.

Однако разговор с ролью был связан лишь косвенно.

Поскольку интервьюером была фанатка одного мерзкого типа, все прошло примерно так:

Сяо Тао, крайне взволнованно: Госпожа Шэн, у вашего персонажа много совместных сцен с учителем Ци Сю. Вы ждете этого?

Шэн Яо, с каменным лицом: ...Жду. (Ха-ха! Еще чего!)

Сяо Тао, смеясь: Я тоже! Учитель Ци Сю — мой кумир, он редко играет в романтических сценах, такая возможность выпадает нечасто. Госпожа Шэн, вы любите, о, то есть, вы восхищаетесь учителем Ци Сю?

Шэн Яо, все так же безэмоционально: ...Наверное, восхищаюсь. (Как же раздражает!) Не пора ли перейти к роли?

Сяо Тао, спохватившись: А что вы думаете о персонаже Лян Жоянь? Не будет ли слишком тяжело играть в паре с учителем Ци Сю?

Ни слова без упоминания этого мерзавца. Интервью превращалось в пытку, и девушка скривила губы: Больше нечего сказать. Да, давление огромное. Я проголодалась, чтобы хорошо играть, нужно сначала поесть. Пока!

...

В два часа тридцать минут дня трое артистов, сопровождающие их ассистенты и стилисты сели в лимузин. Ци Сю ехал в отдельной машине, режиссер и осветители — в третьей, а остальные гости остались во дворце под присмотром второй съемочной группы.

Чтобы хоть немного отстраниться от Гу Хуайняня, Шэн Яо первой заняла место на переднем сиденье, остальным пришлось ютиться сзади.

Чтобы избежать толпы, съемочная группа выбрала локацию в малолюдном лесу, путь до которого был неблизким.

Пользуясь случаем, она открыла сценарий, чтобы учить реплики: если постараться и отыграть всё с первого дубля, можно будет сократить время общения с этими двумя.

А уж хорошо получится или нет — плевать. В конце концов, она не профессиональная актриса, главное — благополучно закончить съемки и уйти.

Однако стоило ей прочитывать текст, как по коже побежали мурашки.

Все эти «братец Чжэнь», «сестрица Янь» звучали до тошноты приторно, к тому же ей предстояло играть влюбленную невесту Гу Хуайняня.

Стоило представить эту картину, а потом вспомнить его ориентацию, как Шэн Яо поняла, что если он не доведет ее до смерти своими выходками, то она сама умрет от отвращения.

Она бегло просмотрела текст: сцена первой встречи была короткой, персонаж Лю Чжэнь вскоре должен был уйти из сюжета.

Ну и ладно, и слава богу.

— Может, прорепетируем? Я никогда не снимался, немного волнуюсь, — раздался с заднего сиденья голос Лю Вэньхао, прерывая ее мысли.

Гу Хуайнянь улыбнулся: Учитель Лю, не стоит так нервничать. Позже вам нужно будет просто стоять рядом с учителем Ци Сю с невозмутимым лицом.

Лю Вэньхао притворно возмутился: Эй, парень, у меня вообще-то есть целая реплика!

— О, и какая же?

— Слушаюсь.

Все рассмеялись, салон наполнился весельем.

Лю Вэньхао вдруг что-то вспомнил и просиял: Кстати, маленький Гу ведь тоже никогда не снимался!

Гу Хуайнянь кивнул: Пока нет, в начале сентября иду на зачисление в вуз.

Лю Вэньхао похлопал себя по груди: Ну, тогда я спокоен. У моего персонажа мало слов и каменное лицо, не думаю, что я буду хуже всех.

Шэн Яо решила, что пора пожаловаться на судьбу, чтобы подстраховаться: Учителю Лю правда не стоит волноваться. Больше всех должна волноваться я! У меня три страницы текста, и напротив меня будет стоять сам учитель Ци Сю, давление просто колоссальное.

Стоило ей заговорить, как остальные вспомнили о ее присутствии на переднем сиденье.

Улыбка на лице юноши немного померкла.

Лю Вэньхао, напротив, решил ее подбодрить: Госпожа Шэн, не переживайте! С таким наставником, как учитель Ци Сю, вы быстро вживетесь в роль.

Наставник, как же... если бы могла, она бы предпочла сыграть так ужасно, чтобы никакой Ци Сю не помог, — про себя огрызнулась Шэн Яо.

...

Когда группа добралась до леса, солнце уже клонилось к закату.

Выйдя из машин, все прошли двести метров до подножия горы, а затем двинулись вверх по узкой тропинке.

Гора была невысокой, но дорога петляла, словно кишки, и из-за недавних дождей стала очень грязной.

Шэн Яо было неудобно идти в платье из тонкого шелка, Чи Анъань всю дорогу поддерживала ее, и к вершине обе были вымотаны.

Она подошла к большому дереву и медленно опустилась на корточки, тяжело дыша: Хорошо, что я не в костюме наложницы, иначе точно свалилась бы с ног где-нибудь на полпути.

Дерево было густым и раскидистым, словно зонт, солнечные лучи пробивались сквозь листву, рисуя на земле причудливые узоры.

Щеки девушки порозовели, лицо выражало застенчивость и кротость, она напоминала безупречный белый нефрит, а подол платья с вышитыми журавлями и облаками расстелился на земле, словно лепестки нежной бегонии.

Чи Анъань, у которой с собой была камера, сделала несколько снимков — это будет отличным подарком для фанатов, когда шоу выйдет в эфир.

Гример поправил прическу Ци Сю и подбежал подправить макияж Шэн Яо.

Все приготовления были завершены, актеры заняли свои места, и съемки мини-фильма «Губитель государства» официально начались.

— Поздно уже, сестрица Янь, если мы не вернемся, тетушка начнет волноваться.

Юноша был в синем халате, с нефритовым гребнем в волосах; в его взгляде читалась юношеская чистота, а манеры были изысканными и благородными — идеальное воплощение образа первой любви.

Шэн Яо изо всех сил старалась не скривиться, бросила на него кокетливый взгляд и упрямо произнесла: Нет, я не вернусь, пока не поймаю этого кролика. Братец Чжэнь, вместо того чтобы уговаривать меня, лучше помоги поймать его.

Лицо девушки сияло, как цветок персика, а каждый ее жест был полон очарования. Несмотря на нежную красоту, в ее глазах светилась ясность, придавая ей вид чистый и невинный.

Когда она качала головой, серьги-подвески мелодично позвякивали.

Гу Хуайнянь сжал кулаки и с досадой согласился: Ладно. Стой здесь и не уходи далеко, я сам поймаю.

— Нет, я хочу сама! Так интереснее, — сказала девушка, приподняла подол и помчалась

вперед.

Рядом не было ни одной служанки, и, боясь, что с ней что-то случится, юноша, забыв о приличиях, поспешил за ней.

Они гнались за кроликом до самого ручья, где увидели двоих мужчин.

Один из них, услышав шум, обернулся и окинул их оценивающим взглядом, другой стоял спиной, заложив руки за спину.

Почувствовав, что эти люди — не простые прохожие, Лю Чжэнь поспешно прикрыл собой девушку и поклонился: Прошу прощения, мы не хотели беспокоить господ, мы с кузиной сейчас же уйдем.

Лян Жоянь не почувствовала опасности, выдернула руку и подбежала к кролику, который жевал траву.

Она радостно засмеялась, и ее смех зазвенел, словно серебряный колокольчик: Братец Чжэнь, я поймала его! Пойдем скорее назад. Столько усилий потратили, надо будет сварить из него суп... интересно, вкусный ли он...

Лю Чжэнь улыбнулся и уже хотел поторопить ее, как вдруг тот мужчина обернулся.

Его брови напоминали лезвия мечей, взгляд феникса был холодным и надменным. Он был облачен в черный халат с золотой каймой, пояс плотно обхватывал талию, подчеркивая высокую и статную фигуру. От него исходила подавляющая аура.

Лю Чжэнь напрягся и поспешно позвал: Сестрица Янь!

Мужчина равнодушно скользнул по нему взглядом и остановился на девушке, сидевшей на корточках: Повернись.

Незнакомый голос, низкий и не терпящий возражений. Девушка поняла, что что-то не так, схватила кролика и побежала к жениху.

Лю Чжэнь, пересиливая страх, сделал шаг вперед, обнял девушку и быстро направился прочь.

Мужчина, которого звали Сюэ Ци, впервые столкнулся с тем, что кто-то посмел ему перечить. Его лицо омрачилось: Мо Бай, схвати их.

— Слушаюсь!

Мо Бай мгновенно оказался перед ними, преграждая путь.

Лян Жоянь от страха так сильно сжала руки, что кролик начал брыкаться, а рука Лю Чжэня, опущенная вдоль тела, сжалась в кулак.

Сюэ Ци неспешно подошел и встал перед ними, глядя на девушку, которая низко опустила голову, стараясь спрятать лицо. Он приподнял бровь:

— У меня нет терпения играть с вами в игры. Если не поднимешь голову, твоему возлюбленному...

Фраза осталась незаконченной, но последствия были очевидны.

<http://bllate.org/book/21623/2230565>